

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В АРХИТЕКТУРЕ ЕКАТЕРИНБУРГА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

УДК: 72..01
ББК: 85.110

Шипицына Ольга Александровна

кандидат архитектуры, доцент,
“Уральская государственная архитектурно-художественная академия”,
Екатеринбург, Россия, e-mail: oshipits@usaaa.ru

Маргушин Александр Леонидович

кандидат архитектуры,
ведущий художник компании «Targem Games»,
Екатеринбург, Россия, e-mail: alex_inn@mail.ru

Аннотация

В статье на обширном материале проводится исследование архитектуры Екатеринбурга конца XIX – начала XXI века, направленное на изучение степени сохранения или разрушения целостности планировочной и архитектурно-пространственной структуры в процессе развития города. В результате такого изучения построена историческая картина, которая свидетельствует о цикличном характере развития архитектуры Екатеринбурга, когда в рамках каждого из четырех выявленных периодов этап относительно устойчивого развития сменяется этапом нестабильности, а порой и хаоса с последующей стабилизацией процессов. Теоретическое осмысление результатов проведенного исторического исследования позволило выявить пять особенностей процесса архитектурно-планировочного развития Екатеринбурга и предложить ансамблевый подход, который позволяет архитектору осознанно работать в диалоге со сложившимся окружением.

Ключевые слова

архитектурные динамические процессы, архитектура Екатеринбурга, архитектурные ансамбли

В процессе активных преобразований последнего времени город Екатеринбург, и в частности – его исторический центр начинает терять свой особенный, уникальный, запоминающийся образный строй. Престижность территории центра побуждает вести более интенсивное строительство именно в этой части города, вовлекая в сферу деловых функций существующие постройки, что нередко приводит к сносу исторических зданий, а также частичному или полному уничтожению парков. В результате при включении новых объектов в сложившуюся композиционную структуру исторического центра начинают разрушаться сознательно выстроенные (ансамблевые) связи между ее частями и, как следствие, исчезает такое художественное качество архитектурной городской среды, как целостность.

Сама же архитектура вновь построенных зданий и комплексов по стилистическим и масштабным характеристикам очень редко соответствует уровню и качеству существующей исторической застройки. Как и в период всеми критикуемой типовой застройки городов многие современные архитектурные объекты, несмотря на кажущееся разнообразие форм, можно с

одинаковым успехом построить в любой точке Екатеринбурга, в любом другом городе, северном или южном. Унифицированное строительство хорошо с точки зрения экономичности, но в результате облик Екатеринбурга тоже начинает приобретать типичные интернациональные черты, утрачивая индивидуальность. В свою очередь, преимущественное строительство в центральном районе престижных жилых комплексов и крупных торговых зданий уже сейчас приводит к возникновению определенной диспропорции в наборе необходимых для этой части города функций, а также к появлению дополнительных транспортных проблем.

Итак, в результате современных преобразований Екатеринбурга происходит накопление хаотических изменений не только в сфере архитектуры исторического центра города, но и в его инфраструктуре. Кроме того, в самих преобразованиях наметились тенденции, дальнейшее следование которым может привести к необратимым изменениям в центральном районе города:

- необоснованное строительство новых высотных объектов вне зависимости от уже существующего силуэта исторического центра и панорам города;

- невнимательное отношение к сложившейся исторически ценной архитектурной среде и современной застройке центра города при строительстве новых зданий и комплексов;

- стремительное нарастание напряжения внутри архитектурного пространства многих активно застраиваемых мест исторического центра, которое связано со стилевой и композиционной несогласованностью зданий разного периода строительства, нарушении исторически сложившейся морфологии места.

Информационная напряженность, некорректное сочетание старых и новых объектов, неоправданное нарушение масштабности, нарастающий хаос в планировочной и архитектурно-пространственной структуре, разрушение композиционной целостности в конечном счете провоцируют нестабильность всей инфраструктуры города. Все это ведет к энтропии (упрощению) городской среды, ее неустойчивости и, как результат, – к возможной гибели. Возникает закономерный вопрос, встречались ли перечисленные тенденции ранее в истории развития архитектуры Екатеринбурга?

Действительно, подобная ситуация не нова, например, если к концу XIX века в историческом Екатеринбурге сложилась определенная градостроительная система, построенная на доминировании в пространстве города ансамблей площадей (церковных или рыночных), а в его силуэте – соборов и церквей, то последовавшие преобразования начала XX века резко изменили визуальные и смысловые характеристики среды. Вследствие этого возникла потребность провести исследование архитектуры Екатеринбурга конца XIX – начала XXI века, направленное на изучение степени сохранения (стабилизации, становления, упорядочения) и разрушения (нарастания напряженности, хаотичности) целостности планировочной и архитектурно-пространственной структуры в процессе развития города. При этом немаловажна фиксация основных событий, происходящих в экономической, социальной и политической сфере города, так как они практически всегда оказывались знаковыми в процессе архитектурно-планировочного развития Екатеринбурга. В результате такого исследования должна быть построена историческая картина архитектуры Екатеринбурга конца XIX – начала XXI века, позволяющая определить хронологические рамки изменения направленности архитектурной деятельности по реорганизации планировочной и архитектурно-пространственной структуры города в зависимости от изменения социальных, экономических и политических условий, а также профессиональных установок.

Итак, при изучении архитектуры Екатеринбурга конца XIX – начала XXI века были выделены четыре периода, каждый из которых состоит из двух этапов: первый отличает относительно устойчивое развитие архитектуры, а для второго характерна нестабильность и присутствие хаотических или даже кризисных явлений (рис. 1).

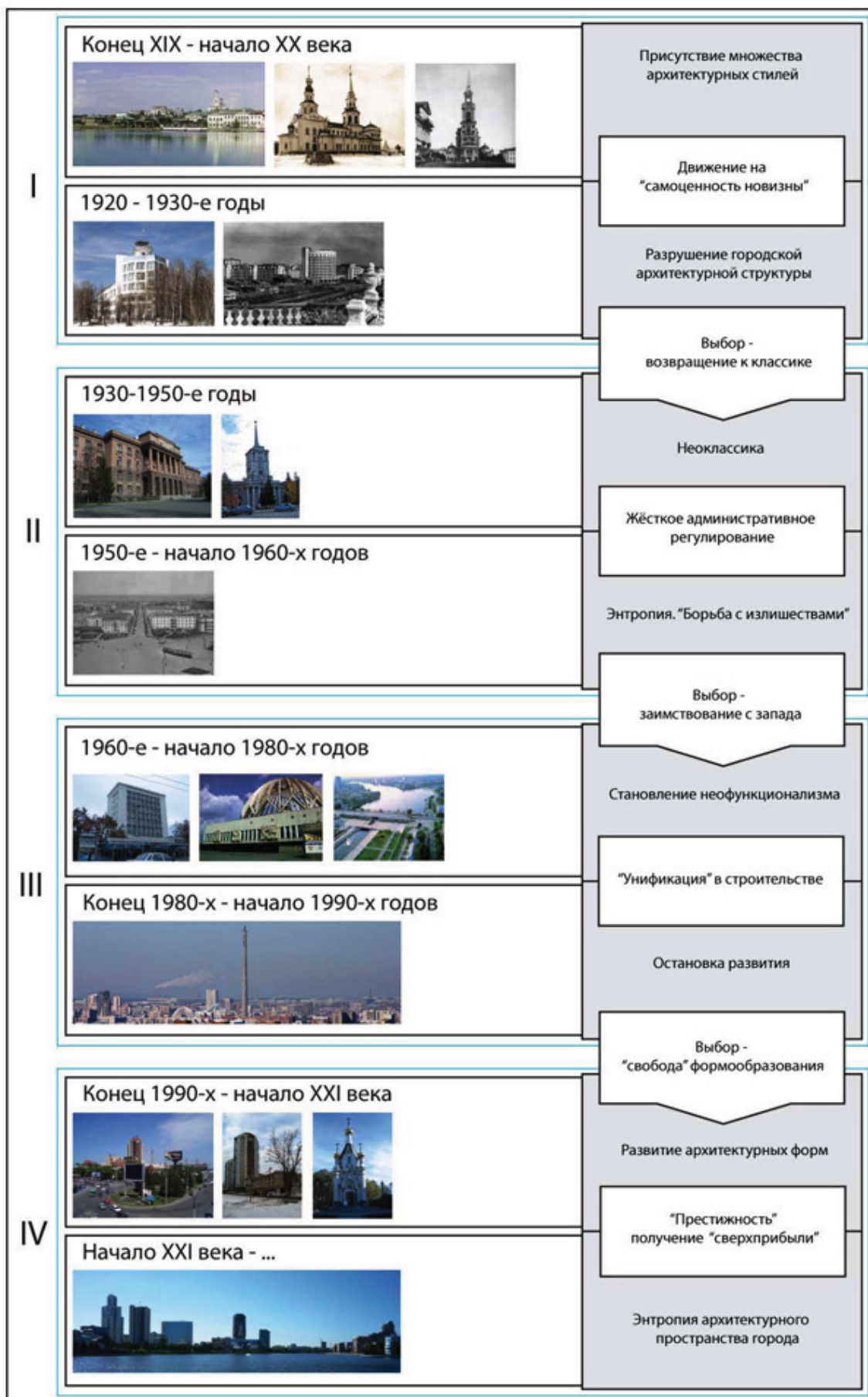

Рис. 1. Динамические процессы в архитектуре Екатеринбурга конца XIX – начала XXI веков. Основные периоды развития. Графическая схема разработана и выполнена А.Л. Маргушиным

Рис. 2. Вид на городской пруд, Екатерининский собор и дом Севастьянова. Фото С.М. Прокудина-Горского, 1910 г. Источник: <http://www.1723.ru>, Царский Екатеринбург: набор открыток. – Пермь: Senator, 2008.

Первый период: конец XIX – начало 1930-х годов

Первый этап: конец XIX – начало XX века (рис. 2-4).

В архитектуре города отразились все сложности взаимодействия стилей и градостроительных принципов второй половины XIX столетия: классицизм перестал удовлетворять изменяющемуся мироощущению общества, произошел переход от классицизма к эклектике, модерну, а затем и к модернизму. Разнообразие в стилевых предпочтениях, появление новых типов объектов в итоге привело к относительной неоднородности архитектурной среды города.

В Екатеринбурге на этом этапе активно происходит замена деревянной застройки каменной, что ведет к появлению множества новых объектов, различных по назначению (общественных, промышленных, жилых и учебных) и разнообразных по стилевым характеристикам. В итоге каждое из вновь построенных зданий имело свой индивидуальный характер, что непосредственно влияло на застройку улиц, которая отличалась многообразием и, по мнению современников, была весьма живописна [1]. Именно на этом этапе в архитектурном пространстве Екатеринбурга появляется некоторая неупорядоченность. При этом город в целом воспринимался как единый градостроительный ансамбль, что отчасти являлось результатом воплощения генерального плана 1845 года. В начале XX века Екатеринбург оставался большим капиталистическим городом единого имперского государства и его архитектура в основном отражала цельность патриархального мышления того времени.

Итак, для этого этапа было характерно довольно устойчивое развитие архитектурно-планировочной структуры города при некотором накоплении хаотичных изменений, связанных в основном с эклектичностью застройки и быстрой сменой стилевых предпочтений в архитектурной деятельности.

Рис. 3. Вид на Тарасовскую набережную и Вознесенскую горку. Фото С.М. Прокудина-Горского, 1910 г. Источник: <http://www.1723.ru> , Царский Екатеринбург: набор открыток. – Пермь: Senator, 2008

Рис. 4. Вид центральной части Екатеринбурга с Московской горки. Фото С.М. Прокудина-Горского, 1910 г. Источник: <http://www.1723.ru> , Царский Екатеринбург: набор открыток. – Пермь: Senator, 2008

Рис. 5. Вид на проспект Ленина и Городок Чекистов с крыши Оперного театра. Фото Р. Байрона, 1930-е годы. Источник: <http://www.1723.ru>

Второй этап: 1920 – 1930-е годы (рис. 5, 6).

Кардинальное изменение облика города напрямую связано не столько с революционным изменением политической ситуации в стране в 1917 году, сколько, в первую очередь, с провозглашением новой идеологии в искусстве – авангардом, феномен которого в мире «существовал на протяжении всего XX века, выступая каждый раз в новых ипостасях» [2, с. 9]. Главным лозунгом авангарда стала «самоценность новизны». Отказ от внутривидовой архитектурной традиции проектирования «в стилях» был частью меняющейся картины мира. Он был вызван утверждением новых жизненных ценностей, определяемых фундаментальными открытиями в науке и быстро внедряемыми достижениями в технике, воздействующими на сознание, в том числе и эстетическое. Перестройка сознания в связи со сменой политических постулатов, подталкиваемая авангардным движением, привела к постановке иных целей в архитектурном творчестве: созданию нового, ранее невиданного будущего. В российской архитектуре она выразилась в конструктивизме, идеи которого органично слились с истоками новой идеологии государства. На волне революционного подъема рождались характерные для 1920-х годов здания и комплексы, в которых были отражены новые производственные и бытовые взаимоотношения людей.

В 1930 году в ключе установившейся идеологии был составлен генеральный план «Большой Свердловск» [3]. В соответствии с градостроительной концепцией, положенной в основу данного генерального плана, происходило значительное увеличение территории города, полностью менялся его образ. Теперь вокруг исторического центра города на довольно значительном отдалении начали размещать поселения – соцгородки, связанные между собой. И как следствие этого, кроме исторического ядра города, появились центры новых поселений, которые формировались вокруг предзаводских площадей [4]. Кроме того, в Екатеринбурге наравне с освоением новых территорий началась реконструкция уже существующих районов и центра (рис. 7). Масштаб изменений, вносимых в архитектуру

Рис. 6. Спортивный комплекс «Динамо», 1934 г. (ул. Еремина,12). Арх. В.Д. Соколов [4]

и планировочную структуру поражал. На волне революционного подъема рождались характерные для конца 1920-х годов здания и комплексы. К типам зданий, которые стали играть ключевую роль в создании «счастливого будущего», относились объекты для свободного общения людей и их совместной работы – Дом контор (1929), Клуб строителей (1929 – 1933), Дом юстиции (начало 1920-х годов), Здание Госстраха (1929), здание драматического театра (1929), здание Промбанка (1920-е годы), гостиница «Большой Урал» (1929 – 1930) и другие. В это же время в Екатеринбурге активно строились и жилые комплексы, такие как «Городок чекистов» (1929 – 1934).

В результате «дореволюционная» архитектура катастрофически теряла свою значимость: уничтожение исторических памятников, являющихся символами «старой жизни», становилось неизбежным [5, с. 107]. Разумеется, в первую очередь, пострадали церковные здания. Попытки создать архитектуру будущего, критикуя и отвергая прошлое, привели к сносу практически всех городских доминант – храмов и церквей, и, как результат – к началу изменения исторического облика Екатеринбурга. Причем в центре города малоэтажная застройка соседствовала с новыми зданиями в стиле конструктивизма, более крупными по масштабу, и даже не было попытки связать эти участки города в единый архитектурный ансамбль (рис. 5).

Итак, этому этапу присущи такие характеристики, как неустойчивость, напряженность и даже хаос, появившиеся в результате кардинальных изменений в планировочной и архитектурно-пространственной структуре города. Возведенное в это время большое количество интересных зданий в стиле конструктивизма, однако, привело к масштабным изменениям в архитектурном пространстве города, а снос большинства храмовых объектов, являвшихся основными доминантами, разрушил сложившуюся ранее визуально-пространственную структуру, не создав новой целостности.

Рис. 7. Схема генерального плана «Большой Свердловск» (исторический центр). Группа архитекторов под руководством С.В. Домбровского. 1930 г. Неосуществленный проект [4]

Второй период: середина 1930-х – начало 1960-х годов.

Первый этап: середина 1930-х – 1950-е годы.

Коллективизация деревни и индустриализация к началу 1930-х годов привели к резкому росту городского населения за счет притока большого количества крестьян. Городская архитектура для вчерашнего сельского жителя должна была стать также утверждением социалистических идей и установлением некоего порядка. Вполне логично, что источником общественной стабильности и арсеналом средств ее выражения стало возвращение интереса к классицистическому наследию, так как для новой массовой культуры ретроспективные тенденции обладали авторитетом привычного [6]. Архитектура прошлого перестала восприниматься как воплощение враждебных сил. Объединение двух в сущности далеких друг от друга направлений приводит к тому, что в Екатеринбурге появляются здания и комплексы, в архитектуре которых присутствуют формы сразу двух стилей – «конструктивизма» и «неоклассики» (рис. 8, 9).

Результатом провозглашенного курса на индустриализацию стало также строительство в Екатеринбурге гигантских единовременных промышленных ансамблей. Полное возвращение к классицистическим архитектурным формам и использование монументального искусства дало центру города много других заметных сооружений, таких как Окружной Дом офицеров (1937 – 1941 годы), комплекс зданий штаба Уральского военного округа (1937 – 1940 годы), корпуса УПИ (1929 – 1939 годы) и новый Свердловский железнодорожный вокзал (1937 – 1939 годы). Подобные комплексы, строившиеся по всей стране, хотя и следовали канонам классицистических ансамблей, были далеки от подлинного классицизма. Тем не менее, как отмечает И.А. Азизян, в архитектурном творчестве сохраняется «вполне традиционное классическое понимание единства целокупного произведения разных искусств как двуединства содержательного (образного) и формального (композиционного) моментов» [7, с. 159]. Эта цельность наблюдается и в архитектуре Екатеринбурга. Вообще весь предвоенный период отличается довольно «мирным» сосуществованием – диалогом двух стилей в архитектуре.

В послевоенное время архитектура возрождалась в несколько ином качестве, в архитектуре на первый план выходит «высокое идейно-художественное содержание», связанное с догмами социалистического реализма. Здоровый рационализм отступает на второй план, в Екатеринбурге строится немало общественных зданий в стиле неоклассицизма. О принципах послевоенного жилищного строительства А.В. Иконников говорит так: «Именно здесь внутренние противоречия профессии достигли критической стадии. Высшие достижения «архитектуры как искусства» в области жилищного строительства тех лет привычно связывались с реконструкцией главных городских магистралей, где жилые дома создавались

Рис. 8. Штаб Уральского военного округа, 1940 г. (проспект Ленина, 71). Арх. А.М. Дупельский. Фото А.Л. Маргушина, 2005

как объекты, претендующие на выражение духа «сталинской эпохи», ее идей. Основные магистрали городов застраивались как дороги триумфа, обрамляющие праздничные шествия» [6, с. 111]. Примером такого строительства в Екатеринбурге следует назвать улицу Свердлова (1947 – 1954 годы), жилую застройку проспекта Ленина. Период, который чаще называют «сталинским ампиром», оказался периодом устойчивого равновесия, которое не требовало ни кардинальной перестройки генерального плана города, ни модификации формы. Отчетливо видно, как управление всеми процессами в архитектуре того времени происходит «сверху» административным методом.

Итак, весь этап середины 1930 – 1950-х годов можно охарактеризовать как цельный, обладающий устойчивым развитием при достаточно «мирном» сосуществовании конструктивизма и неоклассики.

Второй этап: конец 1950-х – начало 1960-х годов.

В начале 1950-х годов происходят известные изменения в политической жизни страны. Как только дает трещину тоталитарная система, связанная с ней «классическая утопия архитектуры» начинает ассоциироваться с «лживой сталинской пропагандой» [5]. Сложившаяся практика архитектурной деятельности осуждена. В основу архитектурного творчества опять заложена жесткая идеологическая заданность: все сводится к директивной стандартизации и доведенной до абсурда борьбе с архитектурными «излишествами». В Екатеринбурге видно, как насаждалась эта модель уравнилельного общества: образовавшийся архитектурный вакуум стал заполняться огромным количеством массивов унифицированной, обезличенной рядовой застройки 1960-х годов. В очередной раз сложилась схожая с началом XX столетия ситуация, только в отличие

Рис. 9. Окружной Дом офицеров, 1941 г. (ул. Первомайская, 27). Арх. В.В. Емельянов.
Фото А.Л. Маргушина, 2007

от 1920-х годов выбор оказался невелик, так как какой-либо жизнеспособной концепции развития среды города не оказалось.

Итак, для этого этапа характерна определенная хаотичность, поскольку вновь произошло отрицание сложившейся архитектурной практики, что выразилось в борьбе с «излишествами» и введением жестких директив стандартизации.

Третий период: 1960-е – начало 1990-х годов.

Первый этап: 1960-е – начало 1980-х годов (рис. 10 – 12).

В 1960-е годы страна уже не находится в такой культурной самоизоляции, как это было ранее. Среди новых зарубежных впечатлений привлекало то, что отвечало установкам социалистического общества на экономичность и аскетизм формы, поэтому неслучайно выбран рассудочный функционализм ФРГ начала 1950-х [6]. И опять наблюдается некоторое возвращение к старому, сначала неявное, завуалированное. Начинается переоценка исторических, культурных ценностей, архитектурных

памятников – эти явления также обозначены мировыми тенденциями. В профессии усиливается стремление к «гуманизации» архитектуры, сохранению культурной преемственности и «духа места». Вместе с осмыслением задач послевоенного восстановления укреплялась концепция города как единого целого, где преобладала задача создания крупных архитектурных ансамблей и всего города как произведения искусства. Обозначившийся выбор ведет к воплощению новой идеи структурно-планировочного решения.

В этих условиях складывается методика проектирования, основанная на детальной разработке генерального плана города как идеальной модели. Наметились две линии совершенствования массовой жилой застройки. Одна имела целью преодолеть ограничения возможностей архитектуры, накладываемые индустриальной технологией и стандартизацией; другая – средовой подход – направляла к взаимодействию со сложившимися городскими контекстами и культурными традициями. После всесоюзного конкурса 1967 года появляется наряду с новым генеральным планом Екатеринбурга 1972 года (рис. 13) проект подробной перестройки городского центра 1975 года. Многие планируются снести, но начинается и восстановление ряда памятников архитектуры. В реальной архитектурной практике этого времени объединение названных двух направлений привело к парадоксальной реконструкции центральной части Екатеринбурга: почти полная расчистка территории при попытке сохранить культурное информационное поле. Так произошло при благоустройстве Исторического сквера: выполненный проект можно определить как большую работу по сносу основной части исторической застройки в пойме реки Исети и сохранению только некоторых фрагментов железодобывающего завода и крепости Екатеринбург [8]. Хотя для того времени это тоже было достижением, поскольку сохранено место основания города.

Итак, на этом этапе вплоть до начала 1980-х годов в архитектуре Екатеринбурга идет

Рис. 10. Ядро центра города. Городской пруд, стрелка со спортивным комплексом «Динамо». Плотина. Ниже ее – часть Исторического сквера. Фото. 1982 г. [4]. Это место приобрело такой вид с открытием в 1973 году музейно-мемориального комплекса «Исторический сквер». Арх.: Н.С. Алферов, В.А. Пискунов, Л.П. Винокурова, Г.И. Дубровин, А.Э. Коротковский, А.В. Овечкин

устойчивое становление неофункционализма с переоценкой культурных и исторических ценностей, по сути, это время разработки новых генеральных планов города.

Второй этап: конец 1980-х – начало 1990-х годов (рис. 14).

В результате предпринятого направления реконструкции исторического центра города к концу 1980-х годов очень мало что остается от исторической застройки на набережной Рабочей Молодежи – территории самого старого квартала Екатеринбурга. Здесь строится высотное здание Дома Советов (Дома областного правительства), большой жилой массив, театр Драмы. В центре появляются крупные общественные и жилые здания, такие как гостиницы «Юбилейная» и «Свердловск», ТЮЗ, цирк и ряд административных и многоэтажных жилых зданий [3]. Все эти сооружения, построенные в духе неофункционализма, как правило, не являются достойной заменой снесенным в этот период памятникам архитектуры. Но путь выбран, и в 1985 году разрабатывается «Схема организации первой очереди застройки центра» [9].

Итак, на этом этапе к началу 90-х годов реализация новой концепции генерального плана обернулась очередной, не менее значительной, чем прежде, «расчисткой» исторически сложившихся территорий, что продолжило увеличивать напряженность архитектурно-пространственной структуры города. В свою очередь состояние глубокого системного кризиса в стране привело к кризису и самой архитектуры.

Рис. 11. Екатеринбургский государственный цирк, 1979 г. (ул. 8 марта, 43). Инж. Н.В. Никитин, арх. Ю.Л. Шварцбрейн. Источник: <http://www.1723.ru>

Рис. 12. Комбинат бытового обслуживания «Рубин», 1964 г. (ул. Малышева, 44). Арх. П.Д. Деминцев и Ф.С. Таксис. Фото А.Л. Маргушина, 2007

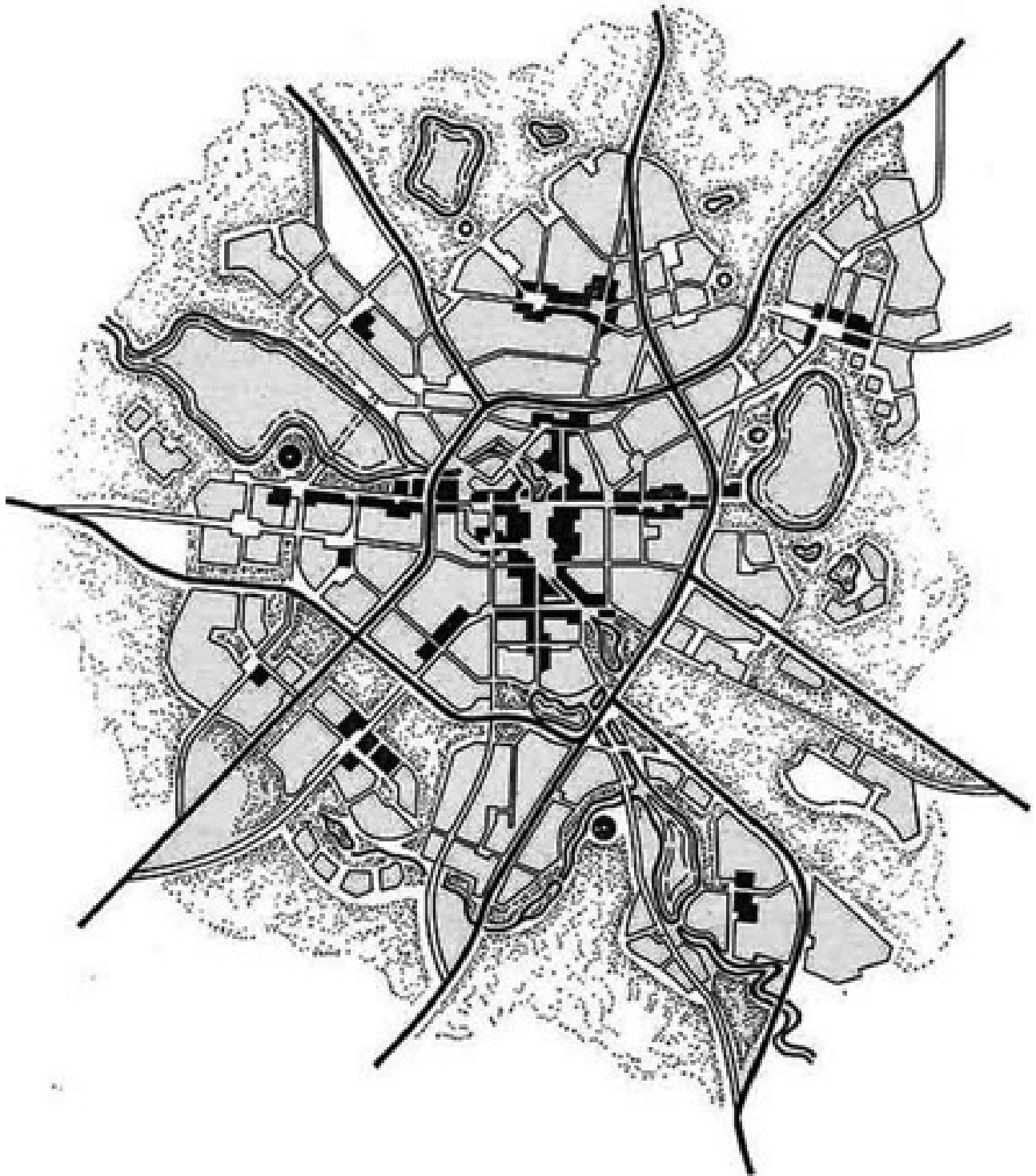

Рис. 13. Схема планировочной структуры Свердловска по генеральному плану 1972 года [3]. Генеральный план был разработан в институте Свердловскгражданпроект большим коллективом специалистов, который возглавляли архитекторы К. Узких, В. Пискунов, Л. Бандровская, инженеры А. Цейкинская, П. Зунблад, экономист Н. Барбарская

Четвертый период: конец 1990-х годов– начало XXI века.

Первый этап: конец 1990-х – начало XXI века (рис. 15-17).

Закончилось время государственной монополии и идеологического давления. Строительство возобновляется, наблюдается ускорение темпов и объемов строительства, но увеличивается и количество снесенных исторических зданий. Постсоветская архитектура

Рис.14. Панорама города. Источник: <http://www.1723.ru>

Рис. 15. Транспортное кольцо перед гостиницей Центральной. Фото А.Л. Маргушина, 2005

включилась в игру по общепринятым мировым правилам. Новое в профессии к 90-м годам XX века как на Западе, так и в России «проросло» из идеологии постсовременности, суть которой в том, что идеалы и вкусы не навязываются. Согласно теории американского философа-прагматиста Ричарда Рорти, в современном мире непозволительно братья за совершенствование кого-либо или чего-либо, кроме себя; провозглашается право каждого на построение собственного Универсума. При переходе на рыночные рельсы ориентация сместилась на быстрое получение прибыли, за короткий период в Екатеринбурге появилось множество торгово-развлекательных зданий и жилых комплексов. На этом фоне прорабатываются новые генеральные планы города и «Сити-центра», начинается их реализация.

Итак, для этого этапа характерно достаточно устойчивое развитие, проявляющееся в стабильном росте объемов строительства и появлении новых объектов и комплексов, при

Рис.16. Строящийся жилой комплекс «Аквармарин» на ул. Радищева-Хохрякова, застройщик «Атомстройкомплекс». Фото А.Л. Маргушина, 2005

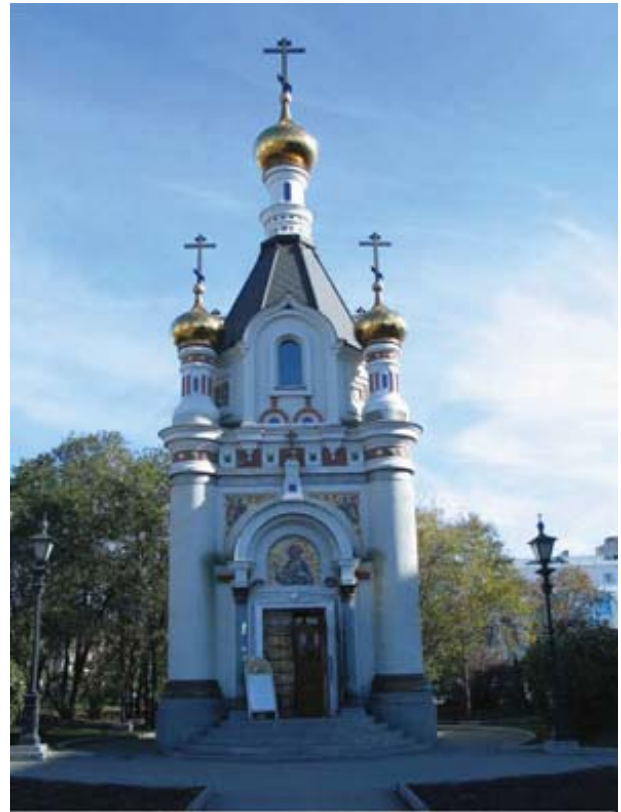

Рис.17. Часовня Святой Великомученицы Екатерины, 1998 г. (Площадь Труда, 1). Арх. А.В. Долгов. Фото А.Л. Маргушина, 2005

Рис.18. Вид на городской пруд. Фото А.Л. Маргушина, 2010

сохранении уже имеющих негативных тенденций, связанных с преобразованием сложившейся исторической застройки, фактически ее сносом.

Второй этап: настоящее время.

В последнее десятилетие все более активно проявляются негативные тенденции в процессе преобразования архитектурного пространства Екатеринбурга (рис. 18). В 2009 – 2010-х годах в связи с экономическим кризисом резко замедляются темпы строительства. Каков будет результат, покажет время: создание нового стиля, чтобы замкнуть очередной цикл, или рождение совсем другого подхода и выход на иной уровень мировоззрения.

Итак, на современном этапе в архитектуре Екатеринбурга отмечено определенное нарастание напряженности за счет хаотических изменений в архитектурно-планировочной структуре города и появления архитектурных объектов, резко контрастирующих с существующим окружением.

Таким образом, выстроенная историческая картина свидетельствует о циклическом

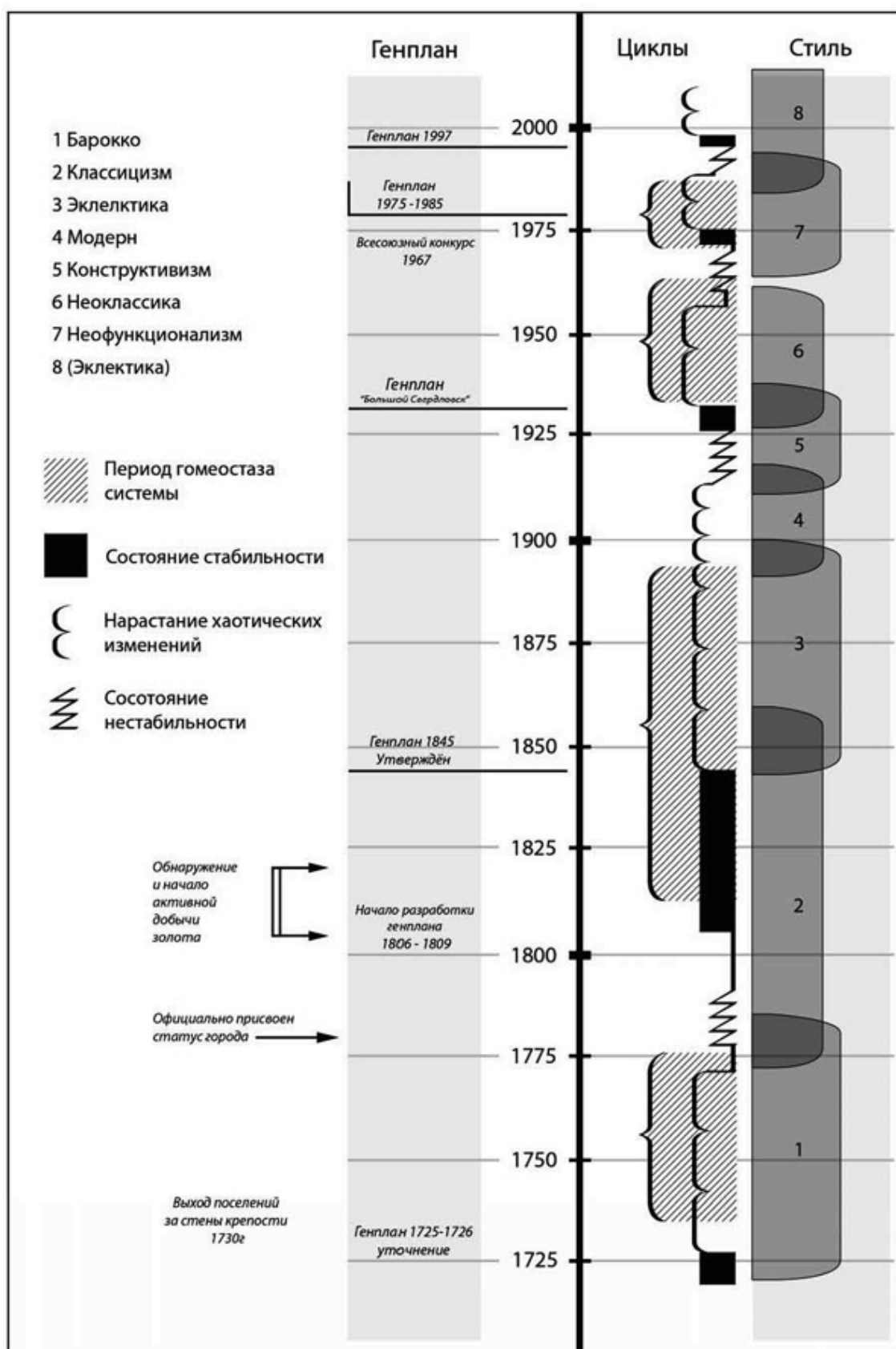
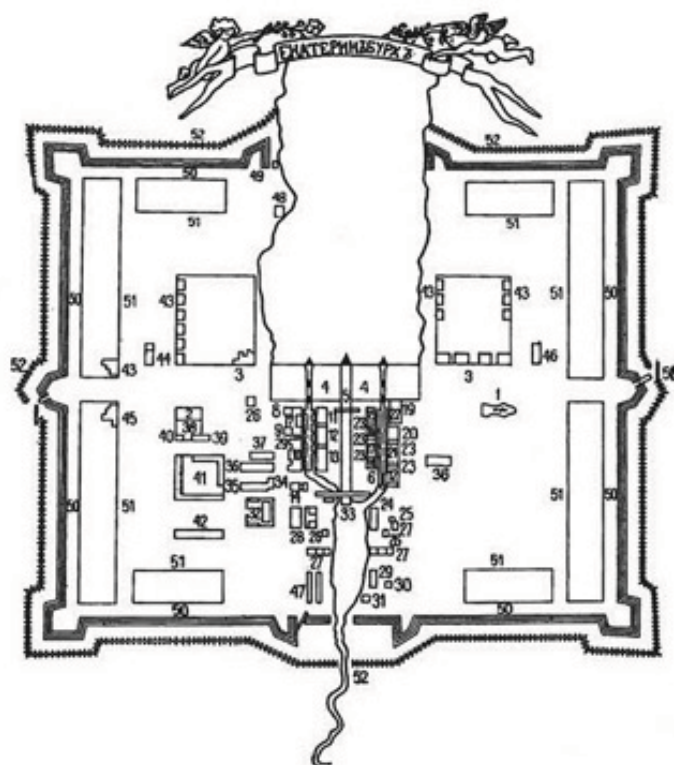

Рис. 19. Схема цикличности формирования планировочной структуры Екатеринбурга со дня основания в 1723 году до начала XX века. Графическая схема разработана и выполнена А.Л. Маргушиным

характере развития архитектуры Екатеринбурга: в рамках одного периода этап относительно устойчивого развития сменяется этапом нестабильности, порой хаоса с последующей

- 1 — церковь; 2 — обербергамт; 3 — двory командирские;
- 4 — плотина; 5 — вешняк; 6 — лари; 7 — домна (две печи); 8 — фурмовая; 9 — свирельная; 10 — плавильная (три печи); 11 — молотовая; 12 — дочатая (три молота); 13 — жестяная (два молота); 14 — лудильная; 15 — укладная (10 горнов); 16 — стальная (три горна); 17 — железорезная (два станка); 18 — проволоочная (10 клетей); 19 — пильная (два стана); 20 — якорная (три горна); 21 — колотушка (три молота); 22 — хлебная мельница; 23 — колесницы; 24 — кузница (9 горнов); 25 — «изба железо пробовать»; 26 — весы; 27 — амбары; 28 — меховые; 29 — госпиталь; 30 — «изба лес сушить»; 31 — баня; 32 — платный (монетный) двор; 33 — мосты через вешняки; 34 — обжигальная; 35 — подъездной сарай; 36 — лесные сараи; 37 — рудный сарай; 38 — книгохранильница; 39 — лаборатория; 40 — тюрьма; 41 — гостинный двор; 42 — мелочные ряды; 43 — двory подъяческие; 44 — школа; 45 — корчмы; 46 — богадельня; 47 — скотобойни; 48 — пивоварня; 49 — пороховой погреб; 50 — крепость; 51 — двory мастеровых и прочих служителей; 52 — рогатки

Рис. 20. План Екатеринбургского завода, 1729 г. [3]

стабилизацией процессов. Такую цикличность в развитии города подтвердило комплексное исследование исторического становления пространственно-планировочной структуры и формирования генерального плана Екатеринбурга со дня основания в 1723 году до начала XX века (рис. 19). Например, созданию завода также предшествовал ряд кризисных явлений: маломощность существующих на Урале производств, отсутствие единого управления и контроля над ними. Затем найдено было место и создан первый план крепости-завода Катеринь Бурхъ (рис. 20). Сначала происходит плавное становление городской структуры: развитие крепости, объективный рост поселения горожан за пределами крепостных стен. Скачок экономического благосостояния в связи с открытием золотоносных песков и резкий прирост населения спровоцировали необходимость упорядочения планировки, то есть создания первого генерального плана города Екатеринбурга в 1804 – 1809 годах (рис. 21). После официального утверждения генерального плана в 1845 году (рис. 22) дальнейшее развитие градостроительной структуры также плавно входит в стадию устойчивости, стабильности с перманентными планировочными изменениями и дополнениями вплоть до начала XX века.

Теоретическое осмысление результатов проведенного обобщающего исторического исследования архитектуры Екатеринбурга позволило выявить особенности процесса архитектурно-планировочного развития города в целом.

1. Развитие планировочной и архитектурно-пространственной структуры Екатеринбурга идет не поступательно и монотонно, а через пульсации, складывающиеся в периоды. Движение к новому мировосприятию ведет к накоплению спонтанных изменений в архитектуре, после эпохи изменений, кризиса наступает стабилизация, фиксирующаяся созданием очередного генерального плана, чтобы далее вновь подвергнуться изменениям.

2. Рождениенового генерального плана Екатеринбурга представляет собой, с одной стороны, своеобразный итог накопившихся изменений, с другой – попытку разрешить накопившиеся

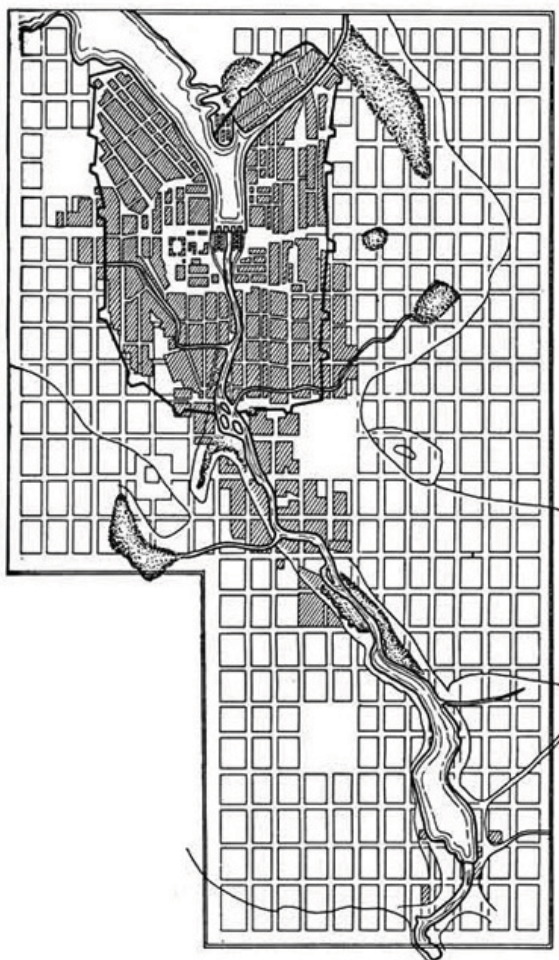

Рис. 21. Генеральный план Екатеринбурга, 1804 г. [3]

проблемы. При этом переключение внимания архитекторов на формирование объектов приводит к определенной нестабильности в архитектурно-планировочной структуре города, а относительная стабилизация процессов обусловлена акцентированием деятельности на разработке градостроительных решений и проектов.

3. В каждый следующий период в архитектуре Екатеринбурга провозглашаются новые мировоззренческие приоритеты и, как правило, отвергаются в той или иной мере предыдущие. Такой способ выхода из кризиса оправдан: развитие не останавливалось, эволюционный процесс не прекращался.

4. Явления нестабильности в архитектуре Екатеринбурга происходят все чаще, и если для начального периода становления города (XIX век) характерны более длительные периоды устойчивого развития, то к началу XXI столетия идет резкое нарастание процессов трансформации архитектурно-планировочной структуры города. В свою очередь упрощение образного языка современных архитектурных форм вновь указывает на положение, близкое к состоянию кризиса.

5. Каждый раз разрушая, начинать сначала становится все сложнее, традиционные решения возникающих проблем оказываются малоэффективными, а сопутствующие потери, культурные, духовные и информационные, невосполнимыми.

Таким образом, несмотря на разносторонность открытий в архитектурной науке, свободу формообразования, многообразие идей и плюрализм мировоззрения у архитектора остается глубинное подсознательное стремление проектировать новое, по-прежнему отвергая все «устаревшее». При стремительности течения современных процессов это грозит потерей исторического опыта, культурных традиций, что может привести к «стиранию» основного информационного источника, то есть сложившегося, привычного для горожанина окружения. Однако несмотря на все старания архитекторов, в Екатеринбурге еще остаются места, пространственные архитектурные единицы, которые продолжают нести важную социально-культурную информационную нагрузку, образные характеристики, присущие только этому городу. Исследование исторического и современного развития Екатеринбурга показало, что этот процесс протекает неоднозначно и удержать структуру сложившихся или складывающихся в настоящее время архитектурных или градостроительных ансамблей в «идеальном» состоянии привычными традиционными методами невозможно.

Поэтому возникает необходимость принципиально иного подхода к предпроектной и проектной практике, который позволит включать элементы нового в существующее архитектурное окружение, не разрушая его, а осознанно работая с ним на уровне диалога, отходя от практики «штучного» проектирования, создавать, поддерживать пространственное целое, то есть находиться в процессе изменения, обогащения, созидания архитектурного

Схема генерального плана Екатеринбурга 1845 года

Реализация генерального плана Екатеринбурга 1845 года по состоянию на 1910 год

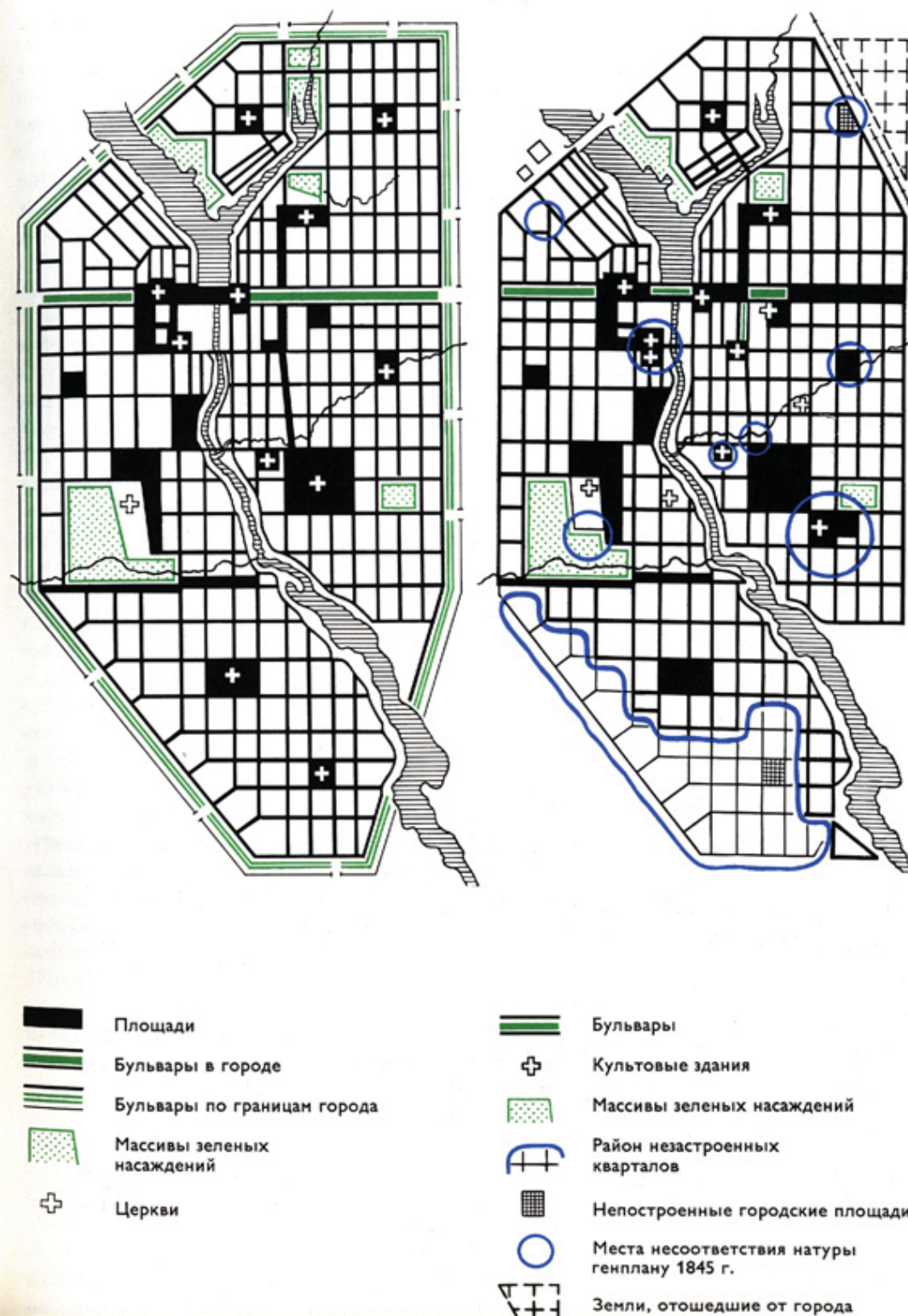

Рис. 22. Схема генерального плана Екатеринбурга 1845 года и реализация генерального плана Екатеринбурга 1845 года по состоянию на 1910 г. [8]

ансамбля. Поэтому неотъемлемой частью деятельности современного архитектора должно стать ансамблевое мышление на уровне мировоззрения, чтобы он не превратился всего лишь в заурядного скульптора, работающего с крупными формами. В свою очередь, ансамблевый

подход, развивающий особый (ансамблевый) тип мышления, не даст архитектору совершить типичные ошибки, которые часто случаются при современном строительстве, и позволит сохранить ансамблевый потенциал любого городского архитектурного пространства. Следовательно, новые архитектурные объекты будут возводиться в историческом центре Екатеринбурга с опорой на культурные и исторические традиции, а также с учетом сложившегося образа старой застройки. В результате будут сохраняться уникальные свойства исторически сложившегося окружения, его разнообразие, богатая информационная насыщенность, гуманный человеческий масштаб пространства.

Библиография

1. Козинец, Л.А. Каменная летопись города: Архитектура Екатеринбурга – Свердловска XVIII – начала XX века / Л.А. Козинец. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1989. – 159 с.
2. Художественные модели мироздания: Взаимодействие искусств в истории мировой культуры / Под общ. ред. В.П. Толстого – М.: НИИРАХ, 1997. – 340 с.
3. Свердловск: строительство и архитектура / сост. Н.С. Алферов, Г.И. Белянкин, А.Г. Козлов, А.Э. Коротковский. – М.: Стройиздат, 1980. – 160 с.
4. Екатеринбург: история города в архитектуре : альбом / под общ. ред. А.А. Старикова. – Екатеринбург: Сократ, 1998. – 240 с.
5. Художественные модели мироздания: XX век: Взаимодействие в поисках нового образа мира / под общ. ред. В.П. Толстого – М.: НИИРАХ, 1999. – 340 с.
6. Иконников, А.В. Утопическое мышление и архитектура: социальные, мировоззренческие и идеологические тенденции в развитии архитектуры ансамбль / А.В. Иконников. – М.: Архитектура – С, 2004. – 400 с.
7. Азизян, И.А. Теория композиции как поэтика архитектуры / И.А. Азизян, И.А. Добрицына, Г.С. Лебедева; НИИ теории архитектуры и градостроительства, Рос. акад. арх. и строит. наук – М. : Прогресс-Традиция, 2002. – 568 с.
8. Букин, В.П. Свердловск: перспективы развития до 2000 года / В.П. Букин, В.А. Пискунов. – Свердловск: Средн.-Урал. кн. изд-во, 1982. – 256 с.
9. Вопросы градостроительства и архитектуры Урала: межвузовский сб. / под ред. А.Э. Коротковского, А.А. Старикова, Е.Л. Овечкиной. – М.: МАРХИ, 1987. – 199 с.

Статья поступила в редакцию 06.06.2013

© Шипицина О.А., Маргушин А.Л., 2013

DYNAMIC PROCESSES IN THE ARCHITECTURE OF EKATERINBURG IN THE LATE 20th – EARLY 21st CENTURY

Shipitsyna Olga A.

PhD (Architecture), Professor,
Ural State Academy of Architecture and Arts,
Ekaterinburg, Russia, e-mail: oshipits@usaaa.ru

Margushin Alexander L.

PhD. (Architecture)
Lead Artist, Targem Games
Ekaterinburg, Russia, e-mail: alex_inn@mail.ru

Abstract

The article reflects on research into the architecture of Ekaterinburg of the late 19th – early 21st century with the aim of establishing the degree of preservation (stabilisation, formation, ordering) and degradation (increase in tension, randomness) of the planning and architectural structure of the city in the course of its evolution. The result of the study is a historical picture of developments in the architecture of Ekaterinburg in the late 19th – early 21st century, which has allowed us to identify the chronological boundaries of changes in architectural activity judging by the re-arrangement of the planning and architectural structure of the city depending on changes in social, economic and political conditions, as well as professional orientations.

The resulting historical picture demonstrates a cyclic character of the evolution of Ekaterinburg architecture with four periods/cycles. In each of these periods, the stage of sustainable development is replaced by a stage of instability and, at times, chaos, with subsequent stabilisation of processes. The cyclic character of evolution has been confirmed by a complex study of the historical evolution of the city's spatial planning structure and of its master plan from the year of foundation (1723) till the early 20th century. Theoretical consideration of the findings has allowed us to identify five specific features in the architectural and planning evolution of Ekaterinburg and to propose an ensemble-based approach, which should allow an architect to consciously work in dialogue with the existing environment.

Key words

architectural dynamic processes, architecture of Yekaterinburg, architectural ensembles, city evolution

References

1. Kozinets, L.A. (1989) City stone annals: Architecture of Ekaterinburg/Sverdlovsk of the 18th – early 20th century. Sverdlovsk: Middle Urals Publishing House.
2. Tolstoy, V.P. (ed.) (1997) The art models of the Universe: Interaction between arts in the history of world culture. Moscow: NIIARH.
3. Alferov, N.S. et al. (1980) Sverdlovsk: building and architecture. Moscow: Stroyizdat.
4. Starikov, A.A. (ed.) (1998) Ekaterinburg: city's history in architecture: album. Ekaterinburg: Sokrat.
5. Tolstoy, V.P. (ed.) (1999) The art models of the Universe: 20th century: interaction in search of a new image of the world. Moscow: NIIARH.
6. Ikonnikov, A.V. (2004) Utopian thinking and architecture: social, world outlook and ideological tendencies in the development of the architectural ensemble. Moscow: Architectura.
7. Azizyan, I.A., Dobritsyna, I.A. and Lebedeva, G.S. (2002) Theory of composition as the poetics of architecture. Research Institute of Theory of Architecture and Town-Planning, Russian Academy of Architecture and Civil Engineering. Moscow: Progress-Traditsiya.
8. Bukin, V.P. and Piskunov, V.A. (1982) Sverdlovsk: prospects for development till 2000. Sverdlovsk: Middle Urals Publishing House.
9. Korotkovsky, A.E., Starikov, A.A. and Ovechkina, E.L. (eds.) (1987) Issues in town-planning and architecture of the Urals: Collected interuniversity papers. Moscow: MARHI.